

В. С. ДЯКИН

ИЗ ИСТОРИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ В ЭЛЕКТРОПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ

(«Большой русский синдикат 1899 г.»)

В своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин назвал электрическую промышленность «самой типичной... для капитализма конца XIX и начала XX века».¹ В силу исторических условий возникновения и развития электротехнической промышленности в ней с самого начала захватили господствующие позиции немногие монополии, тесно связанные с банками. Борьба за раздел сфер влияния проходила поэтому в области электротехники особенно остро. В настоящей статье делается попытка осветить один из наиболее ярких моментов такой борьбы, совершенно не исследованный в исторической литературе. Он связан с образованием в 1899 г. так называемого «большого русского синдиката» для финансирования всех электрических предприятий в России.

Известные нам печатные сообщения об этом синдикате очень немногочисленны. Хроникальные заметки о самом факте его создания без каких-либо подробностей были помещены в «Новом времени»² и «Биржевых ведомостях».³ На заметке из «Биржевых ведомостей» основано упоминание о синдикате в книге Е. Л. Грановского.⁴ В. А. Киселев, автор интересной книги, посвященной развитию электроиндустрии в Германии, также упоминает о существовании синдиката.⁵ Во всех этих случаях дело ограничи-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 233.

² Новое время, 1899, № 8269, 18 марта.

³ Биржевые ведомости, 1899, 22 февраля и 27 марта.

⁴ Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Л., 1929, стр. 43.

⁵ В. А. Киселев. Электропромышленность в ее прошлом и настоящем. М., 1915, стр. 115. Летом 1961 г., после того как настоящая статья была уже сдана в издательство, вышла книга Я. И. Лившица «Монополии в экономике России» (М., 1961 г.), в которой автор упоминает о синдикате 1899 г. Не касаясь предьстории его создания и приведя лишь неверную дату начала переговоров, Я. И. Лившин коротко излагает содержание синдикатского договора, после чего пишет: «Действия этого объеди-

вается только перечислением некоторых важнейших участников синдиката, причем с весьма существенными ошибками, и ничего не говорится ни о содержании соглашения, ни о его истории. Между тем в «большой русский синдикат» входили такие крупнейшие банки, как Немецкий, Дрезденский, Дисконто гезельшафт, банкирский дом Ротшильда, Петербургский международный банк и другие, и крупнейшие европейские электротехнические концерны — «Сименс—Гальске», «Всеобщая компания электричества» (АЭГ) и «Унион». История борьбы монополистических группировок вокруг «большого русского синдиката» представляет значительный интерес для выяснения методов проникновения иностранных капиталов в Россию, их планов закабаления страны, превращения ее в рынок сбыта для промышленности европейских стран. В то же время изучение этой борьбы дает весьма интересные данные о роли русских банков, об их сложных взаимоотношениях с банками иностранными.

Технико-экономическая отсталость России привела к тому, что в конце XIX в. она значительно уступала передовым европейским странам по уровню развития электротехники. Хотя русские ученые внесли огромный вклад в развитие науки об электричестве и первыми решили задачу использования электричества для нужд связи и освещения, практическое применение их открытий в России оказалось невозможным, и многие ученые (как например Яблочков, Лодыгин, Доливо-Добровольский) вынуждены были уехать за границу, чтобы продолжать свои работы. В то время как в Европе к началу 80-х годов XIX в. уже действовали такие крупные электротехнические предприятия, как фирма «Сименс-Гальске» в Германии и «Континентальная эдисоновская компа-

нения охватили строительство и эксплуатацию электротехнических сооружений и предприятий в крупнейших промышленных городах России, в частности в Москве, Баку, Харькове, Ростове н/Д, Царицыне, Екатеринбург, Перми, Гишине, Сувалях, Борисове, Вилдаве, Митаве, Ревеле, Пярну и др. Большой электротехнический синдикат стал организационной ячейкой образования накануне первой мировой войны огромного электропромышленного концерна, охватившего значительную часть соответствующих отраслей русской промышленности» (стр. 19). Во-первых, за исключением Баку «большой синдикат» нигде ничего не построил и потому эксплуатировать не мог. Что же касается «крупнейших промышленных городов» Борисова, Пернова, Суваляк и ряда других названных Я. И. Лившиным городов, то в них вплоть до 1917 г. не было акционерных предприятий в области электричества. Во-вторых, «большой синдикат» распался в 1899 г. и послужить организационной ячейкой какого-либо концерна, созданного перед первой мировой войной, не мог. В-третьих, концерн, о котором пишет Я. И. Лившин, не существовало. Я. И. Лившин позаимствовал этот концерн из речи гласного Московской думы Тесленко в Особом совещании при Министерстве юстиции, который, в свою очередь, исходил из путанной статьи В. С. Зива в «Вестнике финансов» (1914, № 39, 41, 44).

ния» во Франции, а в 1882 г. была основана первоначально под другим названием АЭГ, в России существовали лишь несколько фирм, владевших полукустарными мастерскими и действовавших по большей части в качестве представителей различных иностранных заводов. Самым крупным предприятием было основанное в 1855 г. петербургское отделение фирмы «Сименс-Гальске»,⁶ но и оно занималось в основном сборкой уже готовой аппаратуры, привезенной из Германии. В 1886 г. фирма Сименса учредила первое в России акционерное предприятие в области электричества — «Общество электрического освещения» в Петербурге, обычно именуемое «Обществом 1886 г.» В середине 80-х годов начинается проникновение в Россию и некоторых других европейских фирм. В 1884 г. в Москве была создана фирма Б. А. Цейтшеля, с самого начала являвшегося представителем «Шуккерта»,⁷ а в 1892 г. обзавелась представительством в России и АЭГ.⁸

Однако в целом до начала первого промышленного подъема приток капиталов в русскую электроиндустрию был незначительным. Положение изменилось с середины 90-х годов. Привлеченные крупными прибылями, приносимыми электротехническими предприятиями Германии, в эту отрасль хлынули новые капиталы. Старые компании также расширили производство в надежде на еще более выгодные заказы. В результате внутренний рынок оказался перенасыщенным, что резко усилило конкуренцию. «Конкуренция больших предприятий, — констатировалось в отчете «Шуккерта» за 1895 г., — повела к такому ухудшению условий концессий, что они не составляют более желательных объектов для работы».⁹ Это усилило тягу электротехнических фирм за границу. Благодарной почвой для такой деятельности явилась Россия.

Те общие причины, которые толкали иностранный капитал в Россию вообще, действовали и конкретно в применении к электротехнике. Важным рынком сбыта для электротехнических заводов должны были стать железные дороги (устройство сигнализации), строительство которых широко развернулось в конце 90-х годов. В области электрического освещения с середины 90-х годов осуществлялся переход от маленьких станций постоянного тока с очень ограниченным радиусом действия к большим по тому времени станциям переменного тока, способным охватить своей кабельной сетью города масштаба Петербурга и Москвы. Строительство новых станций требовало притока значительных

⁶ В. А. Киселев, ук. соч., стр. 89.

⁷ Доклад учредителей «Русского общества Шуккерт»: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 689, л. 66.

⁸ В. А. Киселев, ук. соч., стр. 48.

⁹ Там же, стр. 59.

капиталов и одновременно сулило большие заказы электротехническим заводам. Наконец, упрочившееся доверие к русской валюте создало реальные предпосылки для перевода городских конно-железных дорог, большую часть находившихся в руках бельгийских обществ, на электрическую тягу, подобно тому, как это одновременно происходило в Западной Европе. Общества конно-железных дорог стали поэтому объектом напряженной борьбы между электротехническими концернами и поддерживавшими их банками.

Наиболее острую борьбу вызвал вопрос о строительстве электрического трамвая в Москве и Петербурге. В этой борьбе приняли участие все три крупнейших германских электроконцерта — «Сименс—Гальске», «Унион» и АЭГ — и Петербургский международный банк, значительное влияние на ход борьбы оказывали и остальные германские и бельгийские концерны.

В Москве действовало два общества конно-железных дорог — русское («Первое общество») и бельгийское («Второе общество»). В 1891 г. они заключили договор о совместной эксплуатации своих линий. При этом техническое руководство обоими предприятиями осуществлялось на месте русским обществом, а финансовое — бельгийским, которое получило несколько мест в правлении первого.¹⁰ В 1895 г. «Первое общество» обратилось в Московскую управу с предложением о переводе линий на электрическую тягу¹¹ и даже запрашивало «Общество 1886 г.» об условиях поставки электроэнергии для трамвая.¹² Но Московская управа поддержала это предложение под сукном около трех лет. Такая же судьба постигла и предложение «Общества 1886 г.», поданное в 1896 г.

Летом 1897 г. московской конкой заинтересовался Петербургский международный банк. В июле банк обсуждал возможность ее реорганизации на базе полного слияния обоих обществ и введения электрической тяги. С этой целью были начаты переговоры с владевшим большинством акций московской конки банкирским домом «Юнкер и К^о». Предполагалось, что Юнкер продаст акции новому синдикату, а последний создаст для проведения операции комиссию из представителей Международного банка, «Юнкер

¹⁰ Докладная записка Г. О. Герца 25 февраля/9 марта 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 552, л. 182.

¹¹ Доклад Московской управы о введении на существующей сети конно-железных дорог электрической тяги: там же, лл. 65—67. Общество не хотело проводить переоборудование на свой риск, так как над ним висела угроза принудительного выкупа, на который Москва имела право с 1888 г.

¹² Протокол правления «Общества 1886 г.» 20 января/1 февраля и 25 января/6 февраля 1896 г.: ГИАЛЮ, ф. 1243, оп. 1, д. 60, лл. 256—257.

и К^о) и парижских техников.¹³ Упоминание о последних вместе с рядом позднейших документов дают основания предпологать, что банк рассматривал московскую конку в качестве подходящего объекта деятельности для «Генерального общества промышленности в России», созданного им совместно с французскими банками.¹⁴ Выступление Петербургского международного банка привлекло внимание и других кругов. В первых числах августа переговоры с директором Петербургского международного банка Ротштейном о московской конке вел директор Дрезденского банка Шерешевский,¹⁵ действовавший, очевидно, в интересах близкого к банку «Униона». Однако «Юнкер и К^о» не собиравсь дешево отдавать акции и хотел в виде компенсации получить участие в планах Петербургского международного банка относительно петербургского трамвая, что вызвало резкое недовольство Ротштейна. Последний писал своему коллеге Нотгафту, что «на такой основе не имеет никакого смысла продолжать переговоры с Юнкером».¹⁶ Причина упорства Юнкера была в том, что одновременно он вел переговоры с Немецким банком, и 15/27 августа директор этого банка Гвиннер сообщил Ротштейну, что они приобрели акции московской конки.¹⁷ Как писал Гвиннер позднее, банку пришлось уплатить за акции выше их курса, но значение их в планах Немецкого банка компенсировало переплату.¹⁸

Перехватив московское дело буквально из рук Петербургского международного банка, Немецкий банк был в то же время заинтересован в том, чтобы найти основу для соглашения с ним. Обладание акциями обществ конки было важным фактором в борьбе за концессию, но еще не гарантией успеха, и Немецкий банк боялся соперничества франко-русского «Генерального общества промышленности в России», в котором важную роль играл тот же Ротштейн. Поэтому Гвиннер повел настойчивую атаку на Ротштейна, стремясь привлечь его на свою сторону. Крупным козырем в его игре было происходившее в это время создание «Русского общества Сименс—Гальске». 21 августа, когда акции московской конки

¹³ А. Ю. Ротштейн — Т. Нотгафту 27 июля/8 августа 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 68, л. 78.

¹⁴ См. в этом же томе статью Ю. Б. Соловьева.

¹⁵ Ротштейн — Нотгафту 6/18 августа 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 68, л. 99.

¹⁶ Ротштейн — Нотгафту 16/28 августа 1897 г.: там же, л. 127.

¹⁷ А. Гвиннер — Ротштейну 15/27 августа 1897 г.: там же, д. 133, лл. 52—53. Немецкий банк действовал от имени синдиката, в который, кроме него, входили «Сименс-Гальске», Парижско-Нидерландский банк, германский банк «Варшауер и К^о» и другие неназванные участники (там же, д. 552, л. 185). К ним в небольшой доле присоединился и Петербургский частный коммерческий банк (ЦГИАЛ, ф. 597, оп. 2, д. 30, л. 211).

¹⁸ Гвиннер — Ротштейну 17/29 сентября 1897 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 133, л. 59.

были уже куплены Немецким банком или по крайней мере вопрос об их покупке был уже решен, Гвиннер прислал Ротштейну в Ишль, где тот находился, письмо, в котором представлял ему Г. О. Герца — директора петербургских заводов Сименса и сообщал о своем желании приехать вместе с Герцем к Ротштейну для переговоров об электрических делах в России.¹⁹ 15/27 августа, в том самом письме, из которого Ротштейн узнал, что московская конка ушла у него из рук, Гвиннер сообщал о планах реорганизации петербургского отделения «Сименс—Гальске» в акционерное общество. Основательно расхвалив предприятие — «абсолютно здоровое дело», «старая петербургская фирма», «важнейшая русская электротехническая фабрика», — Гвиннер предложил Ротштейну — «если только вы пожелаете» — участие в его реорганизации.²⁰ Ротштейн проявил явную заинтересованность предприятием Сименса, по по-прежнему выражал недовольство поведением Немецкого банка в Москве. Поэтому в следующем письме Гвиннер специально развил тему о трамвае, стараясь убедить Ротштейна, что интересы банков в этом направлении не противоречат друг другу. Он сообщил об участии в покупке акций также и Парижско-Нидерландского банка и выразил уверенность, что сможет наладить сотрудничество и с банкирским домом Гудшо (Париж),²¹ с которым поддерживал тесные отношения Международный банк.

В сентябре усилия Немецкого банка начали давать результат. В очередном письме к Нотгафту, извещая его о ходе переговоров, Ротштейн, правда, еще не смог сдержать раздражения в связи с тем, что инициатива в Москве принадлежала теперь не ему. «Что касается различных проектов московского трамвая, — писал он, — то вы в общем видите, как хладнокровно отношусь я к делу. Для меня самым лучшим решением было бы — интересоваться делом, но не вести отвратительных переговоров». Впрочем, это было сказано сгоряча и для красного словца, и в следующей же фразе Ротштейн сообщал, что выторговал для банка право требовать «в самом худшем случае минимального участия» в комбинации.²² Переговоры вступили в такую стадию, что Гвиннер считал возможным сообщить Ротштейну подробности задуманной комбинации. Одновременно он увеличил цену, даваемую Петербургскому международному банку за сотрудничество, предложив ему разделить руководство синдикатом по покупке московского трамвая и принять в нем участие в любом желаемом размере, а кроме того, взять на себя образование нового общества, которое будет эксплуатировать трамвай. Он также предложил Международному

¹⁹ Гвиннер — Ротштейну 9/21 августа 1897 г.: там же, л. 51.

²⁰ Гвиннер — Ротштейну 15/27 августа 1897 г.: там же, лл. 52—53.

²¹ Гвиннер — Ротштейну 23 августа/4 сентября 1897 г.: там же, л. 58.

²² Ротштейн — Нотгафту 16/28 сентября 1897 г.: там же, д. 68, л. 180.

банку взять на себя руководство операциями в России по реорганизации «Сименс—Гальске» и принять участие в правлении новообразуемого общества. Поскольку именно «Русское общество Сименс—Гальске» было главной приманкой для Ротштейна, Гвиннер особо подчеркнул, что Сименс связан с его планами в Москве и было бы крайне неудобно, если бы банки, совместно участвующие в учреждении «Русского общества Сименс—Гальске» в Петербурге, представляли в Москве разные группировки. В заключение он еще раз подчеркнул, что был бы рад, если бы пути банков шли вместе, и просил скорого ответа.²³ Ответ не заставил себя ждать. Доводы Гвиннера оказались для Ротштейна достаточно убедительными, и Ротштейн, уже отождествляя свои интересы и интересы «Сименс—Гальске», предупреждал о планах Дрезденского банка и «Униона» в Москве. Скрепляя достигнутое соглашение, Гвиннер предложил Ротштейну половину акций «Русского общества Сименс—Гальске», причитавшихся банкам.²⁴ В правление «Первого общества конно-железных дорог» вместо А. Юнкера был введен представитель Петербургского международного банка Ценкер.²⁵

Отказавшись от сотрудничества с французскими электротехническими фирмами и связав свои планы в Москве с Немецким банком и «Сименс—Гальске», Петербургский международный банк, однако, не захотел принять участия в синдикате акций московской конки. Поэтому формально договор о ее реорганизации был заключен только между Немецким банком, «Русским обществом Сименс—Гальске» и двумя обществами конки. Текст договора не был обнаружен нами, и о его содержании можно судить лишь по изложению Гвиннера в письме Ротштейну 17/29 сентября 1897 г. и в докладной записке Герца 25 февраля/9 марта 1899 г. Предполагалось проведение следующей комбинации: Московская управа выкупала линии «Первого общества», а «Второе общество», на

²³ Гвиннер — Ротштейну 17/29 сентября 1897 г.: там же, д. 133, лл. 59—62.

²⁴ Гвиннер — Ротштейну 23 сентября/5 октября 1897 г.: там же, лл. 65—66.

²⁵ Докладная записка Герца 25 февраля/9 марта 1899 г.: там же, д. 552, л. 183. После продлившихся еще несколько месяцев переговоров «Русское общество Сименс—Гальске» было учреждено 1/13 июня 1898 г. В состав правления вошло несколько представителей Петербургского международного банка, в том числе и сам А. Ю. Ротштейн. Но банк не отказался от сотрудничества и с другими группировками. Почти одновременно с «Русским обществом Сименс—Гальске» было учреждено 9/21 июня 1898 г. «Русское общество Унион», в состав его правления вошли директор Международного банка Г. И. Дернен и Е. Г. Шайкевич, причем первый стал даже председателем правления общества. Тесные связи банка с обоими обществами оказали значительное влияние на дальнейший ход событий.

выкуп которого город получал право лишь с 1903 г., добровольно ликвидировалось и передавало городу свои пути; после этого должно было быть создано «Новое общество электрических дорог в Москве», которое принимало на себя все обязательства прежних обществ перед их акционерами и держателями облигаций. Предполагалось, что Москва передаст ему трамвай в концессию или, на худой конец, в аренду. Реконструкция трамвая должна была производиться «Сименс—Гальске» при поддержке синдиката банков. В октябре между Немецким банком и «Обществом 1886 г.» было заключено предварительное соглашение об отпуске электроэнергии для московского трамвая.²⁶

Синдикат, возглавленный Немецким банком, был не единственным претендентом на московские городские пути. Дрезденский банк, не заручившись на данном этапе поддержкой Ротштейна, сам выступил с предложениями по этому вопросу.²⁷ Банк действовал в интересах «Униопа», основного строителя трамвая в Западной Европе, владевшего патентами американской компании «Томсон—Хоустон», считавшимися лучшими в мире. Это обстоятельство, а возможно уже и тогда позиция Петербургского международного банка, заставили группу Немецкий банк — «Сименс—Гальске» искать соглашения с «Унионом».

Аналогичная ситуация сложилась и в Петербурге. В городе действовали линии конно-железных дорог, принадлежавшие двум обществам — «Товариществу конно-железных дорог», основанному швейцарским предпринимателем Е. Дюноном, и русскому «Обществу конно-железных дорог». Состав акционеров последнего установить не удалось; известно, однако, что облигации общества на сумму около 600 тыс. руб. держал кн. Тенишев.²⁸ В 1897 г. город приобретал право выкупа линий общества, а в 1898 г. истек срок концессии товарищества. Поэтому уже с 1896 г. Петербургская управа занималась вопросом о переоборудовании их на электрическую тягу. Однако «хозяева города» не решались взять управление трамваем в собственные руки, считая дело неприглядным и рискованным, и хотели сдать его в аренду какой-либо электротехнической фирме.²⁹ Со своей стороны многие фирмы стремились захватить в свои руки дело, сулившее огромные барыши. Одними из первых выступили со своими предложениями «Товарищество М. М. Подобедова», владевшее небольшим электро-

²⁶ Протокол правления 30 апреля/12 мая 1899 г.: ГИАЛО, ф. 1243, оп. 1, д. 108, л. 347.

²⁷ Доклад Московской управы о введении на существующей сети конно-железных дорог электрической тяги: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 552, лл. 63—67.

²⁸ Торгово-промышленная газета, 1896, 30 ноября/12 декабря.

²⁹ Там же, 14/26 января.

техническим заводом, и «Общество финляндского легкого пароводства», которое уже эксплуатировало в Петербурге электрический трамвай (действовавший только зимой, так как линии его прокладывались по льду Невы).³⁰ Попыталось проявить активность и правление «Общества конно-железных дорог», стремившееся сохранить предприятие за собой. Однако консервативные акционеры общества отклонили предложение правления о переустройстве линий на электрическую тягу и запретили ему кредитоваться у банков для этой цели.³¹

С самого начала 1897 г. в борьбу вступила и фирма «Сименс—Гальске». 10/22 января фирма сообщила «Обществу 1886 г.», что она выработала смету на концессию линий «Общества конно-железных дорог» (с переоборудованием их) и четырех новых линий и предполагает, что предприятие может давать более 10% прибыли. Фирма предложила «Обществу 1886 г.» внести в управу предложение об электрификации трамвая.³² По-видимому, управа сочла предложение, переданное от имени «Общества 1886 г.», неподходящим, а может быть, просто действовала со свойственной ей медлительностью. Между тем обстановка в Петербурге изменялась не в пользу «Сименс—Гальске»: германское общество «Гелиос» и «Бельгийское общество освещения Петербурга» положили конец монополии в области электрического освещения,³³ а АЭГ приобрела решающий пакет акций «Общества конно-железных дорог»³⁴ и тем захватила выгодные позиции в борьбе за трамвай. В связи с этим «Сименс—Гальске», Немецкий банк и присоединившийся к ним к тому времени Петербургский международный банк разработали так называемый «большой петербургский проект», в котором все три организации участвовали в равных долях.³⁵ Как признавал позднее Герц, целью

³⁰ В 1898/89 г. и «Товарищество М. М. Подобедова» проложило по невоскому льду три короткие линии электрического трамвая.

³¹ Торгово-промышленная газета, 1897, 5/17 августа.

³² «Сименс—Гальске» — «Обществу 1886 г.» 10/22 января 1897 г.: ГИАЛО, ф. 1243, оп. 1, д. 71, лл. 326—327.

³³ До 1897 г. станции принадлежавшего Сименсам «Общества 1886 г.» производили большую часть электроэнергии, потреблявшейся в Петербурге, причем соперничавшие с обществом мелкие предприятия не имели перспектив дальнейшего развития. Но в 1897 г. названные выше общества приступили к строительству в Петербурге электрических станций, каждая из которых равнялась по мощности строящейся станции «Общества 1886 г.».

³⁴ Точная дата приобретения акций неизвестна. Самое раннее упоминание об этом, как об уже известном факте, содержится в письме Герца секретариату Немецкого банка 29 января/10 февраля 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 554, лл. 75—78.

³⁵ Секретариат Немецкого банка — Герцу 19 ноября/1 декабря 1897 г.: там же, л. 62.

проекта было «возможно больше укрепить позиции „Сименс—Гальске“, которые оказались под сильной угрозой со стороны „Гелиоса“ в отношении освещения и со стороны АЭГ в отношении трамвая».³⁶

Содержание проекта, изложенное в заявлении «Сименс—Гальске» в Петербургскую городскую думу 22 ноября 1897 г.,³⁷ заключалось в следующем: Петербургский международный банк (очевидно, от имени также Немецкого и, возможно, других банков) выражал готовность предоставить городу облигационный заем на сумму до 20 млн руб. с погашением долга в течение 50 лет из 4.5% для выкупа и приобретения в собственность всех существующих предприятий трамвая и электрического освещения. Фирма «Сименс—Гальске» предлагала думе перестроить и расширить сеть городских железных дорог, переведя их на электрическую тягу, и построить центральную электростанцию мощностью в 7500 квт с кабельной сетью, охватывающей весь город. Расходы на составление проекта фирма брала на себя и обещала «оборудовать всю сеть и все сооружения изделиями русских заводов». Фирма выражала также готовность приять трамвайную линию и осветительное предприятие в арендную эксплуатацию на срок не менее 7 лет, гарантируя в виде арендной платы сумму, необходимую для выплаты процентов и погашений по займу, и половину чистой прибыли, оставшейся после этого. Смысл предложения «Сименс—Гальске» был в достаточной степени очевиден. Обещая построить электростанцию мощностью в 7500 квт, т. е. почти равную станциям «Гелиоса» и «Бельгийского общества освещения» вместе взятым, фирма «Сименс—Гальске» делала еще одну попытку сорвать подписание договора между ними и городом. Это намерение еще более отчетливо видно в приложенной к предложениям фирмы объяснительной записке К. Сименса и Герца.³⁸ В ней они писали, что следует подумать, целесообразно ли принимать предложения «Гелиоса» и «Бельгийского общества освещения», так как в таком случае городу придется тратить дополнительные средства на выкуп их предприятий. В то же время относительно «Общества 1886 г.» Сименс и Герц писали о необходимости соглашения с ним, так как иначе-де оно будет мешать осуществлению городского предприятия. Они предлагали городу выкупить за солидную сумму (свыше 1 млн руб.) старые станции «Общества 1886 г.», годные в основном только на слом. Не менее прозрачно и предложение об оснащении предприятия изделиями русских заводов, разбавленное в объяснительной за-

³⁶ Герц — Гвиннеру 16/28 января 1898 г.: там же, л. 72.

³⁷ Там же, лл. 6—11.

³⁸ Объяснительная записка К. Сименса и Г. О. Герца к предложениям 22 ноября/4 декабря 1897 г.: там же, лл. 12—30.

ниске немалой дозой лирических рассуждений о необходимости развития русской электротехнической промышленности. Смысл этого предложения становится ясным, если учесть, что единственным заводом в России, производившим необходимое оборудование, был завод «Сименс—Гальске», который хотел воспользоваться протекционистской политикой русского правительства в борьбе со своими конкурентами. Предлагая взять все предприятие в аренду, фирма «Сименс—Гальске» собиралась платить лишь небольшую часть дохода с него, ибо проценты и погашения по займу потекли бы в карман все тем же Немецкому и Петербургскому международному банкам и «Сименс—Гальске», которые предлагали предоставить заем.

Руководители образовавшегося «тройственного согласия» понимали, что конкурирующие электротехнические фирмы приложат все старания, чтобы не допустить перехода всего двадцатимиллионного дела в руки одной фирмы «Сименс—Гальске». Поэтому они задумались над необходимостью соглашения с некоторыми конкурентами для борьбы против остальных.³⁹

Наиболее ранним из сохранившихся документов, в котором упоминается идея соглашения, является письмо Герца Гвиннеру 16/28 января 1898 г.

Судя по всему своему содержанию, оно представляет собой лишь продолжение не дошедшей до нас переписки. Герц писал, вернее — отвечал Гвиннеру: «Как и господин директор Ротштейн, я также считаю сближение АЭГ с Международным банком и, следовательно, с нами исключительно важным и полагаю, что следует серьезно отнестись к предложению господина Вавельберга».⁴⁰ Поскольку петербургский банкир Вавельберг в ходе последующих переговоров выступал в качестве представителя АЭГ, можно предположить, что инициатива в переговорах принадлежала именно ей. Но с чьей бы стороны не был сделан первый шаг, предложение договориться упало на благоприятную почву. Если АЭГ и «Унион»,

³⁹ Как раз в этот момент французские партнеры Петербургского международного банка предприняли попытку оторвать его от «Сименс—Гальске». Директор Парижского международного банка Ломбардо в письме к Ротштейну сообщил об основании в России «Генеральной компании тяги и электричества», способной, по его словам, «оказать „Сименс—Гальске“ конкуренцию как в трамвайных делах, так и в осветительных». Компания, узнав о проекте «Сименс—Гальске», собиралась сделать Петербургу свои, более выгодные предложения, и Ломбардо предлагал Ротштейну произвести раздел, оставив освещение «Сименс—Гальске» и передав трамвай «Генеральной компании» (ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 236, лл. 1—3). Предложение не встретило поддержки Ротштейна, уже прочно связавшегося с «Сименс—Гальске», и «Генеральная компания», как видно из дальнейшего, обратилась со своими проектами к Частному коммерческому банку.

⁴⁰ Герц — Гвиннеру 16/28 января 1898 г.: там же, д. 554, лл. 72—74.

не имевшие заводов в России и прочных связей на русском рынке, нуждались в соглашении с «Сименс—Гальске», которое облегчило бы им проникновение в Россию, то и фирма «Сименс—Гальске» не могла рассчитывать сохранить былую монополию в стране, уже сильно поколебленную вторжением других германских фирм, а также бельгийской компании «Электричество и гидравлика», получившей в 1896—1897 гг. заказы в Харькове, Курске, Витебске, Орле, Варшаве, Полтаве, Брянске и других городах,⁴¹ и должна была искать союзников. В свою очередь Петербургский международный банк, участвовавший в учреждении и «Русского общества Сименс—Гальске» и «Русского общества Унион» был заинтересован в том, чтобы не допустить конкуренции между этими фирмами.

Опираясь на ранее завоеванные в России позиции, фирма «Сименс—Гальске» претендовала на главную роль в планируемом союзе трех фирм и была первоначально даже против зафиксированного постоянно действующего соглашения. В уже цитированном письме 16/28 января 1898 г. Гвиннеру, который вел переговоры в Германии, Герц писал, что «Сименс—Гальске» действует в России уже 40 лет, поставив за это время более 50% потребленных страной электротоваров, и не собирается уступать или ослаблять своих позиций, «открывая повсюду свободную дорогу финансово-сильным предприятиям, центр тяжести которых лежит за границей». Герц выражал готовность на соглашения лишь от случая к случаю, очень высоко оценивая при этом свои шансы в Москве и Петербурге. Соглашаясь все же вести переговоры о разделе трамвайных поставок в Петербурге поровну между тремя фирмами, Герц требовал за это, во-первых, сохранения за «Сименс—Гальске» всех поставок для электроосвещения, а также полной свободы рук в Москве. «Без сомнения выглядело бы слабостью, — писал он, — если бы мы захотели привлечь к проектируемым поставкам соучастников. Сегодня существуют две фирмы, которые должны разделить работу между собой, — это наш берлинский дом и мы».

Такой раздел не устраивал руководителей АЭГ. 5/17 февраля 1898 г. Гвиннер сообщил Ротштейну, что АЭГ готова пойти на соглашение, лишь если оно обеспечит ей половину трамвайных поставок в Петербурге.⁴² Гвиннер считал такую претензию завышенной, однако писал Ротштейну, что АЭГ безусловно должна получить компенсацию за отказ от поставок «Обществу 1886 г.». Он поэтому предлагал поделить трамвайные поставки между «Унионом», АЭГ и «Сименс—Гальске» в пропорции 3 : 5 : 4, счи-

⁴¹ Торгово-промышленная газета, 1897, 1/13 марта.

⁴² Гвиннер — Ротштейну 5/17 февраля 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 133, л. 77.

тая, что и этого результата можно добиться только благодаря тяжелому положению, в котором находилось захваченное АЭГ «Общество конно-железных дорог». Руководители Немецкого банка явно опасались, что если не связать АЭГ каким-либо соглашением, она сможет потеснить «Сименс—Гальске» на русском рынке.

Известный Ротштейном о переговорах Немецкого банка, Герц резко выступил против пропорции 3 : 5 : 4, заявив, что в этом случае прибыль «Сименс—Гальске» не компенсирует ее ответственности в качестве фирмы, ведущей дело. Он настаивал на признании за «Сименс—Гальске» преимущественного положения и угрожал, что в противном случае «осуществление так называемого большого петербургского проекта потеряет для фирмы „Сименс—Гальске“ всякий интерес, и мы сделаем лучше, если предоставим развитие электротехнических дел в Петербурге своему ходу, чтобы в соответствующий момент выступить с предложениями о поставках на основе нашего национального производства (т. е. петербургского завода, — В. Д.). Мы будем тогда иметь столько же шансов добиться успеха, сколько АЭГ и „Унион“ сегодня».⁴³

Ближайшие события, однако, показали «Сименс—Гальске», что фирма преувеличивала прочность своих позиций. В Петербурге управа начала переговоры о переоборудовании на электрическую тягу линий переходящего к городу «Товарищества конно-железных дорог». С предложениями выступили бывший владелец товарищества Е. Дюпон, представитель «Гелиоса» П. Ратнер, представители владельцев «Бельгийского общества освещения» Ф. Шмацлер и А. Гуэ и представитель «Генеральной компании тяги и электричества» Л. Вайншток.⁴⁴ Еще раньше «Общество конно-железных дорог» (т. е. контролировавшая его АЭГ) выступило с предложением ввести электрическую тягу на всех линиях петербургской конки, как своих, так и дюпоновского товарищества, и подвергло резкой критике проект «Сименс—Гальске».⁴⁵ Число конкурентов в Петербурге росло, а в это же время Московская дума решением от 10/22 марта 1898 г. постановила оставить без рассмотрения все предложения о концессиях на трамвай и самой разработать условия конкурса на переоборудование городских железных дорог.⁴⁶ Это уменьшило шансы «Сименс—Гальске» и заставило фирму идти на уступки.

⁴³ Герц — секретариату Немецкого банка 29 января/10 февраля 1898 г.: там же, д. 554, лл. 75—78.

⁴⁴ Торгово-промышленная газета, 1898, 25 марта/6 апреля.

⁴⁵ Там же, 5/17 февраля.

⁴⁶ Доклад Московской управы о введении на существующей сети конно-железных дорог электрической тяги: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 552, лл. 63—67.

В марте 1898 г. Ротштейн вел переговоры с представителями АЭГ и «Униона». Последние предлагали теперь поделить поровну все поставки для Петербурга, включая и оборудование для «Общества 1886 г.». Это вызвало возражения Ротштейна, но Герц, сообщавший о переговорах в Берлин, вынужден был теперь признать, что если «Сименс—Гальске» будет настаивать на преимуществах для себя, ссылаясь на свои позиции в «Обществе 1886 г.», то АЭГ с не меньшим правом сошлется на свои акции «Общества конно-железных дорог».⁴⁷ Еще большая уступка была сделана относительно Москвы, где «Сименс—Гальске», ранее не желавшая допускать к поставкам каких-либо соучастников, соглашалась в принципе поделить дело между собой, АЭГ и «Унионом» в пропорции 2 : 1 : 1. Правда, Герц считал желательным повременить с соглашением о Москве, ссылаясь на неясность положения в связи с решением думы от 10 марта.

Какая-то предварительная договоренность была достигнута в мае в результате переговоров Ротштейна с Вавельбергом и Шерешевским. Насколько можно судить по письмам Герца в секретариат Немецкого банка, договоренность эта касалась петербургских дел и предусматривала раздел поставок поровну между фирмами. При этом Герц настаивал на том, чтобы формально фирмы выступили перед управой врозь, скрывая наличие соглашения.⁴⁸ Три фирмы признали «Общество 1886 г.» в качестве будущего поставщика электроэнергии столичному трамваю.⁴⁹ Последнее условие вызвало особое удовлетворение Герца, поскольку «Общество 1886 г.» получало в связи с этим большие преимущества перед другими осветительными предприятиями. Но договоренность оказалась недолговечной. Причиной тому было недовольство ее условиями со стороны АЭГ. Одним из условий, на которых настаивала АЭГ, была покупка у нее банками, участвовавшими в задуманном объединении, акций «Общества конно-железных дорог», поскольку акции эти обошлись АЭГ очень дорого, и она хотела поделить понесенные расходы между партнерами.⁵⁰ Ротштейн и Гвиннер не согласились с этим требованием, после чего глава АЭГ Э. Ратенау заявил Немецкому банку, что при таких обстоятельствах ему кажется бесполезной конференция, на которой, как планировалось, должно было быть достигнуто окончательное соглашение. Извещая директора Дрезденского банка Гутмана

⁴⁷ Герц — секретариату Немецкого банка 17/29 марта 1898 г.: там же, д. 554, лл. 79—80.

⁴⁸ Герц — секретариату Немецкого банка 7/19 мая 1898 г.: там же, л. 86.

⁴⁹ Герц — секретариату Немецкого банка 9/21 мая 1898 г.: там же, л. 84.

⁵⁰ Гвиннер — Гутману 28 мая/[9 июня] 1898 г.: там же, д. 133, л. 109.

о разрыве с Ратенау, Гвиннер предлагал провести эту конференцию без АЭГ, заключив соглашение, которое охватывало бы только «Сименс—Гальске» и «Унион». Гутман высказался против конференции, но заявил, что «в остальном вы найдете Дрезденский банк и его группу готовыми идти в русских делах рука об руку вместе с вами».⁵¹

Несмотря на это обещание, выраженное в столь высоком стиле, достигнуть договоренности хотя бы только с «Унионом» оказалось для «Сименс—Гальске» нелегко. В июле Герц жаловался Ротштейну: «В то время как я всегда охотно предлагаю руку для соглашения, я уже в который раз постигаю на опыте, что господа из „Униона“ ведут себя в вопросе о соглашении как жеманная девица». «Может быть, — добавлял он, — они станут поуступчивей, как это видно из цифр дивиденда».⁵²

К концу 1898 г. наметились все же признаки соглашения между «Сименс—Гальске» и «Унионом». Здесь снова сыграло свою роль усиление конкуренции других фирм. «Генеральная компания тяги и электричества» и Частный банк совместно выступили соискателями концессии на проведение электрического трамвая на Охте. Герц справедливо расценил это как попытку захватить плацдарм для борьбы за весь Петербург.⁵³ Выступил также со своим проектом инженер Балинский, предлагавший соорудить круговую железную дорогу вокруг Петербурга и ряд внутригородских линий. За спиной Балинского стоял крупный американский трамвайный делец Мэрри Вернер.⁵⁴ В таких условиях «Сименс—Гальске» и «Унион» поторопились договориться друг с другом.

Первым шагом на пути к соглашению явилась встреча Герца с членом правления Петербургского международного банка и председателем правления «Русского общества Унион» Дерненом 17/29 ноября 1898 г., на которой «Сименс—Гальске» отказалось в пользу «Униона» от конкуренции на ряде объектов в Прибалтике, а также был произведен раздел поставок для общества «Сталь».⁵⁵ В первых числах января 1899 г. в Берлине было проведено новое совещание с участием представителей Немецкого, Дрезденского и Петербургского международных банков, «Сименс—Гальске» и «Униона». Общество «Сименс—Гальске» потребовало сначала предоставления ему 67% поставок для петербургского и москов-

⁵¹ Гутман — Гвиннеру 28 мая/[9 июня] 1898 г.: там же, л. 110.

⁵² Герц — Ротштейну 9/21 июля 1898 г.: там же, д. 552, л. 25.

⁵³ Герц — Ротштейну 9/21 января 1899 г.: там же, лл. 110—111.

⁵⁴ Справка к вопросу об улучшении способов передвижения населения Петербурга: ЦГИАЛ, ф. 1288, оп. 8, д. 25, ч. 3, лл. 62—63.

⁵⁵ Запись переговоров Герца и Дернена в Петербурге 17/29 ноября 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 552, л. 430.

ского трамвая, 75% поставок в Варшаве и 25% — в Риге,⁵⁶ но затем согласилось повысить долю «Униона» в Петербурге и Москве до 40%.⁵⁷ При определении квот обоих участников были сделаны оговорки о том, что они подлежат пересмотру, если к сотрудничеству будет привлечена и АЭГ.

Тем временем в переговорах с последней появился и стал затем решающим новый вопрос — строительство электростанции в Баку. Еще в марте 1898 г. представитель интересов «Сименс—Гальске» в Баку — товарищество «Свет» предложило «Каспийско-Черноморскому товариществу» Ротшильдов построить электростанцию для обслуживания нефтепромыслов. Фирма «Сименс—Гальске» разработала проект станции мощностью в 12 500 квт. Одновременно к Ротшильдам обратились с предложениями АЭГ, «Шуккерт», швейцарская фирма «Эрликон» и ряд французских и бельгийских фирм.⁵⁸ Первоначально фирма «Сименс—Гальске» считала свои шансы наилучшими, но постепенно чаша весов склонилась не в пользу Сименса. В январе 1899 г. Ротштейн писал директору Немецкого банка Штейнталу, что «парижский Ротшильд связан с АЭГ и без последней с ним нельзя договориться».⁵⁹ Связь эта явно установилась задолго до января. Во всяком случае, уже 2/14 сентября 1898 г. Герц без особого оптимизма писал Ротштейну о бакинском проекте, что он «был бы очень рад, если бы дом Ротшильда смог возложить на нас поручение в этом важном деле».⁶⁰ Поэтому Петербургский международный банк, тесно связанный с Ротшильдом по нефтяным делам в Баку, приложил усилия для установления контакта с АЭГ. Последняя также не могла остаться равнодушной перед угрозой создания без (а значит — против) нее союза «Сименс—Гальске» и «Униона». После посещения представителя Ротшильда Ж. Арона правление АЭГ письмом от 29 октября/10 ноября 1898 г. предложило Петербургскому международному банку сотрудничество в строительстве электростанции,⁶¹ а уже 14/26 ноября 1898 г. АЭГ сообщила о получении

⁵⁶ Г. И. Дернен — Ротштейну 9/21 января 1899 г.: там же, д. 85, лл. 7, 9—12.

⁵⁷ Немецкий банк — Петербургскому международному банку 7/19 января 1899 г.: там же, д. 552, л. 115.

⁵⁸ Записка Герда 9/21 июля 1898 г.: там же, л. 22.

⁵⁹ Ротштейн — А. Штейнталу 4/16 января 1899 г.: там же, д. 559, л. 6.

⁶⁰ Герц — Ротштейну 2/14 сентября 1898 г.: там же, д. 552, лл. 29—31. Скорее всего, связи АЭГ с Ротшильдом восходят еще к парижской «Континентальной эдисоновской компании», полную независимость от которой АЭГ получила только в 1887 г. (см.: В. А. Киселев, ук. соч., стр. 31).

⁶¹ АЭГ — Петербургскому международному банку 29 октября/10 ноября 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 549, л. 3.

протокола переговоров по этому вопросу.⁶² Поспешность переговоров свидетельствовала о том значении, которое Петербургский международный банк и «Сименс—Гальске» придавали союзу с АЭГ. Правда, при более детальном обсуждении бакинского дела 28 ноября/9 декабря 1898 г. фирма «Сименс—Гальске» попробовала поторговаться и потребовала, чтобы фирмы, которые будут поставлять оборудование конкурентам строящейся станции, тем самым теряли преимущественное право поставок для нее. Это был камень в огород АЭГ, снабжавшей оборудованием «Апшеронское электрическое общество». Но АЭГ в ответ сообщила Ротштейну для сведения «Сименс—Гальске», что если против нее будут приняты какие-либо меры, то она превратит «Апшеронское общество» в подлинного конкурента новой станции.⁶³ «Сименс—Гальске» решила не настаивать.

Соглашение относительно бакинских дел предполагало и совместные действия в других районах России. Переговоры о них проходили с большим трудом, и Ротштейн уже выражал сомнения в том, остается ли реальной возможность соглашения во все-российском масштабе, если фирмы не в состоянии договориться по четырем делам — Петербурга, Москвы, Варшавы и Риги.⁶⁴ Масла в огонь подлил Карл Сименс, приславший Ротштейну 7/19 декабря 1898 г. раздраженное письмо, в котором вновь поднимал вопрос об особых преимуществах для своей фирмы. К. Сименс писал, что берлинский дом «Сименс—Гальске» пошел на определенные ограничения в пользу своего петербургского дома⁶⁵ вовсе не для того, чтобы уступить место другим германским фирмам, и вновь ссылаясь на традиционные связи с русским рынком. Зачеркивая все ранее достигнутые соглашения, он требовал для «Сименс—Гальске» (берлинского и петербургского) половину всех российских дел и заявлял, что его не касается, как будет делить оставшуюся половину АЭГ и «Унион». Стараясь получить поддержку Петербургского международного банка в этой новой атаке, К. Сименс тут же предлагал ему участие в синди-

⁶² АЭГ — Петербургскому международному банку 14/26 ноября 1898 г.: там же, лл. 5—6.

⁶³ АЭГ — Петербургскому международному банку 29 декабря 1898 г./10 января 1899 г.: там же, д. 559, лл. 2—3.

⁶⁴ Штейнталь — Ротштейну 1/13 января 1899 г.: там же, лл. 4—5. Переговоры, начавшиеся по вопросам московского и петербургского трамвая, постепенно захватывали и другие спорные объекты. К их числу относилось строительство трамвая в Риге, где наиболее прочные шансы были у «Униона», и трамвай и освещение в Варшаве. По сохранившимся документам трудно установить, когда именно эти объекты стали предметом переговоров трех фирм. Выше, на стр. 223, говорилось о соглашении «Сименс—Гальске» и «Униона» в связи с делами в Риге и Варшаве.

⁶⁵ Имеется в виду передача петербургскому обществу представительства в России.

кате по финансированию «Общества 1886 г.»⁶⁶ Петербургский международный банк не пошел на приманку, и в середине января 1899 г. была принята резиновая формула Ротштейна, по которой фирмы получали по $\frac{1}{3}$ всех работ в России, но в отдельных случаях, если одна из фирм уже проделала большую подготовительную работу или располагала в данном случае особо прочными позициями, она имела право на половину дела.⁶⁷

В феврале 1899 г. был подписан оформивший создание синдиката «технический договор» между «русским обществом Сименс—Гальске», «Русским обществом Унион» и АЭГ, выдержанный в духе формулы Ротштейна, но ограничивший долю фирмы, получившей преимущество, до 40%.⁶⁸ Таким образом, участникам синдиката так и не удалось достичь твердой договоренности о разделе конкретных объектов, стоявших на очереди дня, и вся борьба вокруг них была еще впереди.

Параллельно с переговорами электротехнических фирм шло образование банковского синдиката для финансирования намеченных работ. По мере того как достигалась договоренность между тремя фирмами, расширялся и круг банков, участвовавших в деле, прежде всего за счет связанных с АЭГ и «Унионом» Берлинер хандельсгезельшафт, Дисконто гезельшафт и Дрезденского банка. Для Петербургского международного банка, который уже и в сотрудничестве с Немецким банком оказывался на ролях младшего партнера, такое увеличение немецкой группы означало полную потерю влияния на дело. У нежелавшего примириться с этим руководителем Международного банка А. Ю. Ротштейна возникла поэтому идея расширения банковского синдиката за счет привлечения в него французских участников. Это давало бы ему возможность, во-первых, вознаградить себя и своих французских партнеров за поражение в 1897 г. в московском деле, и, во-вторых, и самое главное, играя на франко-германских противоречиях в синдикате, оказаться в положении арбитра и захватить руководство. С этой целью Международный банк ставит вопрос о привлечении к синдикату прежде всего банкирского дома Ротшильда, аргументируя это перед своими немецкими союзниками тем, что в противном случае «Ротшильд и АЭГ выступят самостоятельно».⁶⁹

⁶⁶ К. Сименс — Ротштейну 7/19 декабря 1898 г.: там же, д. 557, лл. 3—4.

⁶⁷ Немецкий банк — Международному банку 7/19 января 1899 г.: там же, д. 552, л. 115.

⁶⁸ «Технический договор»: там же, д. 559, лл. 52—54, без даты, дата установлена по времени образования синдиката банков. Таким образом, АЭГ, не имея еще дочернего предприятия в России, была представлена в синдикате непосредственно, а «Сименс—Гальске» и «Унион» — своими «русскими» обществами.

⁶⁹ Дернен — Ротштейну 19/31 декабря 1898 г.: там же, д. 80, л. 57.

В декабре 1898 г. Ротштейн отправил в Германию Дернена, возложив на него миссию убедить германские банки в необходимости создания «большого синдиката». Идея эта, мягко говоря, не вызвала энтузиазма. Дернен, поддерживавший версию о привлечении Ротшильда ради союза с АЭГ, доносил Ротштейну, что он не встретил со стороны Гвиннера и Шерешевского правильного понимания целей «большого синдиката». Вернее будет сказать, что директора Немецкого и Дрезденского банков поняли эти цели слишком хорошо, и именно потому выступили против. Гвиннер начал разговор с Дерненом с того, что расчленил проект синдиката на конкретные объекты и заявил, что будет очень трудно передать «большому синдикату» дела в Петербурге, Москве, Варшаве и Риге (т. е. все основные), поскольку они, особенно московское дело, уже ведутся другими синдикатами.⁷⁰ Это был явный намек на то, что Немецкий банк не намерен выпускать руководство из своих рук. Вместо создания нового синдиката Гвиннер предложил принять «Унион» в московский синдикат и выделить из доли «Униона» субучастие для Петербургского международного банка. Это было настолько далеко от того, чего добивался Ротштейн, что Дернен счел необходимым в том же письме особо подчеркнуть, что сам-то он за идею Ротштейна и просит не думать, будто он предал ее в переговорах с Немецким банком. Дело не сдвинулось с места и через неделю. Сообщая о новой встрече с Гвиннером, Дернен писал Ротштейну, огорченный как неудачей переговоров, так и негостеприимностью хозяина: «Я не получил завтрака. Как это ни печально выглядит, во время моих переговоров с Гвиннером на столе действительно стояла только чернильница. Это был совершенно холодный трезвый разговор, и если мне за него будет поставлена хорошая оценка, то это будет мне больше утешительно, чем понятно».⁷¹ Несколько лучше обстояло дело с Дрезденским банком. Хотя разговор с Шерешевским носил самый общий характер, Дернен все же вынес из него впечатление, что Дрезденский банк будет участвовать в синдикате.⁷²

Для того чтобы оказать давление на Немецкий банк, Ротштейн заявил Штейнталю, что если «Сименс—Гальске» и «Унион» не договорятся между собой, Петербургский международный банк не будет поддерживать одну из сторон, а останется нейтральным.⁷³ Дернен пошел еще дальше и на переговорах о распределении квот между «Сименс—Гальске» и «Унионом» занял сторону «Униона», доказывая, что у последнего есть хорошие шансы в конкурентной борьбе. Дернен при этом выступал не от имени «Униона», а прямо

⁷⁰ Там же, л. 87. Страницы письма в деле разрознены.

⁷¹ Дернен—Ротштейну 26 декабря/7 января 1899 г.: там же, л. 99.

⁷² Там же.

⁷³ Штейнталь — Ротштейну 1/13 января 1899 г.: там же, д. 559, лл. 4—5.

от Международного банка, и директор «Сименс—Гальске» Бедикер напоминал ему, что банк уже раньше взял на себя обязательства в отношении его фирмы. На позиции Немецкого банка несомненно сказались и то обстоятельство, что он в это время и в других, не связанных с электричеством вопросах оказался в положении, которое Ротштейн назвал «веселой войной — все против Немецкого банка».⁷⁴ В этих условиях угроза Петербургского международного банка отказаться от поддержки «Сименс—Гальске» возымела свое действие, и Гвиннер заявил о готовности передать акции московской конки в распоряжение «большого синдиката», если последний оплатит их стоимость и 12.5% прибыли. Одновременно он вновь предложил группе «Униона» вступить в московский синдикат в размере 15%,⁷⁵ стремясь этим отколоть «Унион» от Петербургского международного банка. Давая вынужденное согласие на организацию «большого синдиката» Гвиннер не преминул еще раз заявить, что с его точки зрения в Петербурге переоценивают значение Ротшильда для синдиката. Мотив участия Ротшильда в синдикате он видит только в строительстве бакинской станции.⁷⁶ В оценке позиции Ротшильда Гвиннер, как показали события, был в основном прав, но дело было не в мотивах Ротшильда, а в планах Ротштейна. Одновременно с Гвиннером попытку воздействовать на Ротштейна предпринял Штейнталь. Выразив удивление по поводу желания Ротштейна иметь полную информацию о московском деле (дескать, бывает ли полнее, чем та, которую давал Немецкий банк), Штейнталь заявил, что он против обсуждения московских планов в «большом синдикате», ибо опасается, как бы вновь вошедшие в него банки не перехватили дело для других электротехнических фирм.⁷⁷ В ответ Ротштейн вновь подчеркнул, что именно для предотвращения конкуренции он и стремится привлечь в «большой синдикат» Ротшильдов и АЭГ.⁷⁸

Отказавшись от прямого сопротивления идее «большого синдиката», Немецкий банк с тем большим усердием стал создавать группировку в группировке и добился вхождения в московский синдикат Дрезденского банка и Берлинер хандельсгезельшафт.⁷⁹ При этом все еще имелось в виду, что часть передаваемых группе «Униона» акций московской конки предназначается для Петер-

⁷⁴ Ротштейн — А. Кону 6/18 февраля 1899 г.: там же, д. 1403, л. 16.

⁷⁵ Дерпен — Ротштейну 9/21 января 1899 г.: там же, д. 85, лл. 7—12.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Штейнталь — Ротштейну 1/13 января 1899 г.: там же, д. 559, лл. 4—5.

⁷⁸ Ротштейн — Штейнталью 4/16 января 1899 г.: там же, л. 6.

⁷⁹ Докладная записка Герца 25 февраля/9 марта 1899 г.: там же, д. 552, л. 186.

бургского международного банка в качестве субучастника. Этот маневр вызвал столь резкое возмущение Ротштейна, что он, видимо, высказался по поводу стремления Дрезденского банка со-вать нос не в свои дела. Во всяком случае, Дернен считал необходимым, успокаивая шефа, возразить, что «бедный нос Дрезденского банка все же не так виноват, как вы полагаете».⁸⁰

Вырванное с огромным трудом согласие германских банков на создание «большого синдиката» было только одной стороной дела. Нужно было еще привлечь к нему участников и обеспечить руководящее положение Международного банка. В первоначальных проектах Ротштейна состав синдиката с общим капиталом в 20 млн руб. выглядел следующим образом: банкирский дом Ротшильда (Париж) — 10%, Международный банк за себя — 5% и за субучастников — 7.5%, разные участники из Парижа — 5% (как видно из дальнейшего под ними подразумевалось «Генеральное общество промышленности в России»), «Франко-швейцарское общество электрической промышленности», тесно связанное с Парижско-Нидерландским банком, — 5%, группы «Униона», АЭГ и Немецкого банка — «Сименс—Гальске» — по 10%, «Швейцарское общество электрической промышленности» («Инделек» — концерн Сименса) и близкий к Сименсу Базельский коммерческий банк вместе — 5%, разные неназванные русские участники — 20% и иностранные — 12.5%. Об участии «Инделек» и Базельского банка просил К. Сименс, он же настаивал на привлечении в «большой синдикат» Частного банка.⁸¹ Сименс стремился таким путем укрепить свои позиции внутри создаваемого синдиката, включив в него возможно большее число связанных с ним организаций. Предлагая кандидатуру Частного банка, Сименс рассчитывал, очевидно, использовать соперничество Частного банка с Международным. Но последний маневр натолкнулся на чрезмерные аппетиты Частного банка, соглашавшегося войти в «большой синдикат» лишь при условии, что ему позволят продолжать сотрудничество с конкурирующими фирмами.⁸² Со своей стороны Ротштейн оказал маневру Сименса глухое сопротивление, перепоручив переговоры с директором Частного банка А. И. Мурашием Герцу, хотя отношения их как раз в это время были крайне обострены конфликтом в «Обществе 1886 г.». Не удалась и попытка Сименса расширить свое участие в синдикате за счет «Инделек» и Базельского банка. Привлечение этих организаций не вызвало возражений Ротштейна, но соответственно были сокращены квоты других банков, представлявших интересы группы Сименса.

⁸⁰ Дернен — Ротштейну 19/31 января 1899 г.: там же, д. 85, л. 20.

⁸¹ Герц — Гвяннеру 9/21 января 1899 г.: там же, д. 559, л. 9.

⁸² Там же.

Переговоры о распределении квот проходили в Берлине приблизительно 17—18 февраля (н. ст.). Они характеризовались острейшими противоречиями. В написанном по горячим следам письме Ротштейн назвал эти переговоры битвой, во время которой «справа и слева вырывали себе квоты, как только позволяли приличия».⁸³ В последний момент, уже после достижения принципиальной договоренности, германским банкам удалось все же увеличить свое участие в синдикате. Ротштейн же не смог добиться сколько-нибудь широкого участия русских и иностранных (кроме Германии и Франции) финансовых кругов. В связи с этим доли участников синдиката подверглись в окончательном варианте значительному пересмотру. Доля Ротшильда выросла до 16,5%, Международного банка — до 18,5% (10% за себя и 8,5% за субучастников), «Генерального общества промышленности в России» — до 10%. По 12% получили группы «Сименс—Гальске»,⁸⁴ «Униона»⁸⁵ и АЭГ,⁸⁶ кроме того, 10% остались за «Франко-Швейцарским обществом электрической промышленности», 3% получил банк «Варшауер и Ко» (Берлин) и по 1% Русский для внешней торговли, Учетный и ссудный, Азовско-Донской и Частный банки, банкирские дома Вавельберга, Мейера, Юнкера (Россия), Варбурга (Германия) и «Липпман и Розенталь» (Голландия).⁸⁷ Большую часть своего пакета Петербургский международный банк разделил в качестве субучастия (в том числе и из квоты, числившейся в синдикатном договоре как его собственная): «Униону» — 3%, банкирским домам Мендельсона (Берлин) — 3% и С. Ротшильда (Вена) — 2%, «Генеральному обществу промышленности в России» — 2,5% и др.⁸⁸ Всего, таким образом, на долю германских участников приходилось 47,5% капитала синдиката, на долю французских — 36%, русских — 12,5% и прочих — 4%. Это было не совсем то, чего добивался Ротштейн, но все же достаточно для того, чтобы Международный банк, имевший возможность блокироваться то с одной, то с другой стороны, мог сохранить руководство «большим синдикатом» за собой.

⁸³ Ротштейн — Кону 6/18 февраля 1899 г.: там же, д. 1403, л. 16.

⁸⁴ Немецкий, Средне-германский кредитный и Базельский банки, банкирский дом Я. Штерн и «Инделек».

⁸⁵ Дрезденский банк. Банк торговли и промышленности, Шаффгаузенский банковский союз, Дисконто Гезельшафт и банкирские дома Блейхредера и «Борн и Буссе».

⁸⁶ Берлинер Хандельсгезельшафт, Национальный банк для Германии, Всегерманское кредитное общество, Лахенское кредитное общество, Швейцарский кредитный банк, Банк для электрической индустрии и банкирские дома Дельбрюка, Е. Геймана и братьев Зульцбах.

⁸⁷ Синдикатный договор: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 559, лл. 50—51.

⁸⁸ Список участников синдиката: там же, л. 1.

Договор о создании синдиката был подписан в феврале 1898 г.⁸⁹ Действие синдиката распространялось на всю Россию, за исключением Финляндии и Польши; в функции синдиката входило получение концессий, организация и реорганизация акционерных обществ, выпуск новых акций обществ, производство строительных работ. В качестве первых дел синдиката были намечены дела по освещению и трамваю в Петербурге и по трамваю в Москве и пригородах (в пределах 10 верст от линии московских застав). Вопрос о рижском трамвае остался неурегулированным, и в договор была внесена специальная оговорка, что рижское дело не входит в компетенцию синдиката. Для руководства делами синдиката был создан комитет в составе шести человек — представителей Петербургского международного, Немецкого и Дрезденского банков, Берлинер хандельсгезельшафт, банка Ротшильда и «Франко-швейцарского общества электрической промышленности».⁹⁰ Делопроизводство синдиката вел Петербургский международный банк. Одновременно с договором банков был подписан упоминавшийся выше «технический договор» между «Сименс—Гальске», «Унионом» и АЭГ, причем германские банки, не отказавшиеся от борьбы против навязанных им партнеров по синдикату, потребовали, чтобы этот договор был известен только членам комитета.⁹¹ В тексте договора почему-то не упоминается бакинское дело, но Ротштейн, предлагая Вавельбергу участие в синдикате, писал, что первым его делом будет строительство бакинской электростанции.⁹²

Бакинская станция оказалась не только первым, но и единственным делом, которое «большой синдикат» сумел довести до конца. Как только между тремя электротехническими обществами было достигнуто соглашение о совместных действиях, представители Петербургского международного банка барон Н. Е. Врангель и В. Ф. Голубев подали ходатайство об учреждении акционерного общества «Электрическая сила», к которому должна была перейти новая станция.⁹³ Капитал «Электрической силы» был установлен

⁸⁹ На архивном экземпляре договора дата отсутствует. Он мог быть подписан между 5/17 и 12/24 февраля. 5/17 февраля переговоры, по словам Ротштейна, были окончены в принципе (там же, д. 1403, л. 14). Но на утверждении проектов нужно было еще несколько дней. Кроме того, как уже указывалось, после достижения принципиального соглашения квоты германских банков были изменены. 12/24 февраля Ротштейн, уже вернувшись в Петербург, писал Вавельбергу о договоре, как о свершившемся факте (там же, д. 559, л. 26).

⁹⁰ Синдикатный договор: там же, лл. 50—51.

⁹¹ Немецкий банк — Международному банку 24 февраля/8 марта 1899 г.: там же, л. 64.

⁹² Ротштейн — В. Вавельбергу 12/24 февраля 1899 г.: там же, л. 26.

⁹³ Прошение Н. Е. Врангеля и В. Ф. Голубева министру финансов 9/21 декабря 1898 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 604, л. 1.

для начала в 4 млн руб., а собран до конца года в размере 3.2 млн руб., причем половину акций брал «большой синдикат», а вторую половину — владельцы нефтяных промыслов в Баку,⁹⁴ в их числе те же Ротшильды в качестве владельцев Каспийско-Черноморского товарищества. К новому обществу перешло от «Сименс—Гальске» и торгового дома Тильманса принадлежавшее им товарищество «Свет» со всей его клиентурой. «Электрическая сила» заключила также договор с «Сименс—Гальске», «Унионом» и АЭГ сроком на 10 лет, по которому общества уплачивали ей 5% от сумм своих поставок в Бакинском районе, что являлось формой выплаты отчислений от прибылей в пользу синдиката. Для строительства электростанций (Балаханской и Биби-Эйбатской) были куплены участки у Гукасова и Тагиева.⁹⁵ В правление «Электрической силы» были на учредительном собрании 3 августа 1899 г. избраны Н. Е. Врагель, П. П. Толстой-Голенищев-Кутузов, Г. Спицер, Ж. Арон, А. Фейгль, П. О. Гукасов и Г. З. А. Тагиев.⁹⁶ На русские капиталы (Международный банк, Гукасов, Тагиев и др.) приходилось 43.75%, на германские — 23.75% и на прочие (главным образом — французские) — 32.5%. Бакинская электростанция была после ее постройки крупнейшей в России и первой станцией такого масштаба, предназначенной для отпуска электроэнергии в промышленных целях.

Весь 1899 год наполнен борьбой между участниками синдиката. В мае вновь стал актуальным вопрос о петербургском трамвае. Комиссия управы по заведованию городскими железными дорогами внесла на рассмотрение думы проекты устройства аккумуляторного трамвая на линии, проходящей по Невскому проспекту. Проекты представили бельгийские предприниматели Дюле и Нотомб,⁹⁷ «Товарищество Подобедова» и «Сименс—Гальске».⁹⁸ «Торгово-промышленная газета», ссылаясь на заявление директора «Сименс—Гальске» Б. А. Эфрона, утверждала, что предложения общества убыточны. Газета объясняла готовность его идти на убытки тем, что Сименс, действуя от имени всех трех германских обществ, готов любой ценой оттеснить бельгийских конкурентов,

⁹⁴ Ротштейн — Вавельбергу 12/24 февраля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 559, л. 26.

⁹⁵ Доклад учредителей общества собранию акционеров 3/15 августа 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 608, л. 21.

⁹⁶ Протокол собрания акционеров 3/15 августа 1899 г.: там же, л. 26.

⁹⁷ Первый из них являлся главой крупнейшего бельгийского электротехнического завода «Электричество и гидравлика» в Шарлеруа, а второй — его представителем в России. Как раз в 1899 г. Дюле вместе с рядом бельгийских обществ, близких к брюссельскому Сосьете генераль, намеревался учредить «Главное франко-русское общество аккумуляторов» (ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 4, д. 314, лл. 1—15).

⁹⁸ Торгово-промышленная газета, 1899, 10/22 июня.

а затем уже договориться с управой о замене аккумуляторной тяги воздушной проводкой и пересмотреть цены в свою пользу.⁹⁹ Объяснение это звучит весьма правдоподобно. При таких обстоятельствах становится ясным, почему именно в мае на переговорах трех обществ в «большом синдикате» встал петербургский вопрос. Продолжая вести глухую борьбу против «большого синдиката», германские банки выдвинули идею создания для Петербурга специальной группы в составе Немецкого, Дрезденского и Петербургского международного банков,¹⁰⁰ вновь пытаясь оттеснить не только французских участников, но и АЭГ. Последнее объяснялось ее позицией. АЭГ, ссылаясь на принадлежащие ей и все еще не переданные «большому синдикату» акции петербургской конки, требовала увеличения своей квоты, а «Сименс—Гальске» и «Унион» категорически выступали против и предлагали купить эти акции.¹⁰¹ Со своей стороны Берлинер хандельсгезельшафт от имени группы АЭГ готово было продать акции, но Петербургский международный банк, считая цену неподходящей, полагал, что покупать их должен не «большой синдикат», а непосредственно электротехнические фирмы.¹⁰² Ротштейн готов был дать деньги для этой цели, но требовал за то особых преимуществ для банка.¹⁰³ Все эти переговоры оказались, впрочем, беспредметными, поскольку дума опять отложила рассмотрение проектов, решив устроить новый конкурс.¹⁰⁴

Вплоть до весны 1899 г. продолжалась упорная торговля и из-за московского трамвая. Немецкий банк, несмотря на ранее взятое обязательство, не хотел отдавать «большому синдикату» акции московской конки. В марте и апреле Немецкий банк и Берлинер хандельсгезельшафт все еще предлагали Ротштейну ограничиться вступлением в московский синдикат, уступая ему часть своих квот.¹⁰⁵ Параллельно шел спор о цене, по которой Немецкий банк был бы все же согласен передать акции «большому синдикату». Банк требовал прибыли в 12,5%, а представитель Ротшильдов Ж. Арон в ответ высказывал сомнения в целесообразности вообще покупать эти акции, считая возможную доходность буду-

⁹⁹ Там же, 30 мая/11 июня.

¹⁰⁰ Герц — Гвиннеру 6/18 мая 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 554, лл. 90—92.

¹⁰¹ Международный банк — Немецкому банку 27 апреля/9 мая 1899 г.: там же, л. 96.

¹⁰² Ротштейн — Э. Нецлину (Парижско-Нидерландский банк) 26 апреля/8 мая 1899 г.: там же, л. 94.

¹⁰³ Ротштейн — Гвиннеру 7/19 мая 1899 г.: там же, д. 559, лл. 137—138.

¹⁰⁴ Торгово-промышленная газета, 1899, 10/22 июня.

¹⁰⁵ Немецкий банк — Международному банку 10/22 марта и 12/24 апреля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 559, лл. 82, 124.

щего трамвая недостаточно привлекательной.¹⁰⁶ Против Немецкого банка выступил также его союзник по московскому синдикату — Парижско-Нидерландский банк,¹⁰⁷ вынудив его все же идти на уступки.¹⁰⁸ Но, как и в Петербурге, к этому времени определилось, что Московская управа не торопится идти навстречу предложениям банков. Участникам синдиката пришлось считаться с возможностью того, что город не отдаст трамвая в концессию, а будет настаивать на выкупе конки. Перестраивая свои планы в соответствии с обстановкой, электротехнические фирмы рассчитывали теперь договориться с Московской управой о предоставлении займа для выкупа конно-железных дорог и о передаче им впоследствии городского трамвая в долгосрочную эксплуатацию,¹⁰⁹ т. е. склонялись к варианту, сходному с петербургским. Одновременно они разрабатывали программу широкого воздействия на общественное мнение в пользу передачи эксплуатации трамвая «Первому обществу».¹¹⁰ В это время участников синдиката постиг еще один удар. Ссылаясь на свои связи в Лондоне, куда приехала для переговоров о займе делегация Московской думы, директор Парижско-Нидерландского банка Э. Нецлин передавал, что дума настроена против «Сименс—Гальске» и любой связанной с фирмой группы.¹¹¹ Ротштейн пытался утешить Нецлина и самого себя, уверяя, что «эта история не так не благоприятна для „Сименс—Гальске“, как это можно подумать».¹¹² Но на Немецкий банк сообщение Нецлина явно произвело впечатление, и возможно именно поэтому он решил, наконец, расстаться с акциями московской конки. Где-то в мае «большой синдикат» приобрел их у Немецкого банка, причем акции «Первого общества» были переданы на хранение в Международный банк, а «Второго общества» — переданы в Брюссельское отделение Немецкого банка.¹¹³

Не менее напряженными были отношения внутри «технического синдиката». В июне «Сименс—Гальске» и «Унион» договорились о полюбовном разделе поставок для завода Гартмана в Луганске и для Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д.¹¹⁴ А уже в июле

¹⁰⁶ Г. Спицер — Ротштейну 5/17 апреля 1899 г.: там же, д. 87, лл. 83—84.

¹⁰⁷ Нецлин — Гвиннеру [10]/22 апреля 1899 г.: там же, лл. 126—129.

¹⁰⁸ Гвиннер — Нецлину [12]/24 апреля 1899 г.: там же, л. 110.

¹⁰⁹ Записка о перспективах московского трамвая: там же, д. 552, лл. 233—236.

¹¹⁰ Предварительная программа деятельности на предмет переоборудования московских конно-железных дорог в электрическое предприятие: там же, лл. 240—244.

¹¹¹ Спицер — Ротштейну 10/22 апреля 1899 г.: там же, д. 87, л. 106.

¹¹² Ротштейн — Нецлину 4/16 мая 1899 г.: там же, д. 552, лл. 265—266.

¹¹³ Записка о приобретении акций московской конки комитетом синдиката: там же, лл. 250—251.

¹¹⁴ Герц — Ротштейну 11/23 июня 1899 г.: там же, д. 557, л. 6.

Герц жаловался Ротштейну на действия «Униона», сбивавшего цены в Новороссийске и Варшаве и стремившегося поссорить «Сименс—Гальске» с его давнишним клиентом «Донецко-Юрьевским обществом». Герц угрожал, что если «Унион» не изменит своей политики, то он, Герц, будет сообщать властям, что «Унион» не в состоянии поставлять достаточное количество оборудования русского производства.¹¹⁵ Смысл угрозы заключался в том, что «Унион», как, впрочем, и «Сименс—Гальске», под маркой своего завода в России сбывал продукцию, выпущенную в Германии. Директор «Русского общества Унион» А. Арнд не менее резко писал в Международный банк Е. Шайкевичу о действиях «Сименс—Гальске».¹¹⁶

Летом 1899 г. велись также переговоры с германским обществом «Гелиос». Они были начаты «Сименс—Гальске» в целях создания картеля петербургских осветительных обществ,¹¹⁷ но представители «Гелиоса» подняли вопрос о сотрудничестве и в других районах России, в частности в Варшаве. Представители «Сименс—Гальске» Герц и Бедикер отвергли эти предложения. Тогда «Гелиос» предпринял попытку договориться о сотрудничестве с «Унионом», но и эта попытка оказалась малоуспешной. Следует отметить, что Немецкий банк был, видимо, первоначально настроен за соглашение. Во всяком случае, поддерживавший «Гелиос» банкирский дом С. Оппенгейма благодарил Немецкий банк за посредничество, а «Сименс—Гальске» особо оговаривало необходимость помощи банков против «Гелиоса».¹¹⁸

В октябре «Сименс—Гальске» и «Унион» решили поделить пополам поставки для предполагавшейся линии трамвая Невский проспект—Полюстрово,¹¹⁹ но при конкурсе на устройство электрического освещения в Варшаве «Унион», добиваясь совместных действий с «Сименс—Гальске», все время угрожал в противном случае договориться с «Гелиосом».¹²⁰ В ноябре «Сименс—Гальске» вновь предъявило претензии к «Униону» за то, что послед-

¹¹⁵ Герц — Ротштейну 1/13 июля 1899 г.: там же, д. 552, лл. 172—173.

¹¹⁶ А. Арнд — Е. Г. Шайкевичу 8/20 июля 1899 г.: там же, д. 560, лл. 2—5.

¹¹⁷ Картель был создан в 1901 г. в составе «Общества 1886 г.», «Бельгийского общества освещения Петербурга», и «Петербургского общества электрических сооружений, бывший Гелиос». Он просуществовал до 1917 г.

¹¹⁸ «Сал. Оппенгейм и К^о» — Немецкому банку [10]/22 апреля 1899 г. и «Сименс—Гальске» — Немецкому банку [22 апреля]/3 мая 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 133, лл. 132—133, 135—137.

¹¹⁹ «Унион» — «Сименс—Гальске» 18/30 октября 1899 г.: там же, д. 554, л. 113.

¹²⁰ Дернеп — В. Лауэ 22 октября/3 ноября 1899 г.: там же, д. 85, л. 119.

ний не представил компенсаций за свои дела в Лодзи, Смоленске и других местах.¹²¹

Осенью 1899 г. начался мировой экономический кризис, который еще больше усилил конкуренцию как внутри участников «большого синдиката», так и со стороны его бельгийских соперников — «Генеральной компании тяги и электричества», «Центральной компании электричества в Москве», «Электричество и гидравлика» и др. В связи с этим руководители «Сименс—Гальске» решили прибегнуть к защите правительства под флагом содействия развитию русской электротехнической промышленности. Карл Сименс разговаривал на эти темы с Горемыкиным в бытность последнего в Париже,¹²² а Герц заготовлял особую докладную записку для подачи Витте.¹²³ Он рассчитывал, что эта записка послужит толчком к началу официальной агитации за развитие русской электропромышленности. Идею подачи такой записки поддержал и К. Сименс.¹²⁴ Речь шла, разумеется, об особых льготах петербургским заводам Сименса, которые имелись в виду под русской промышленностью, и агитация эта была ударом по интересам союзника «Сименс—Гальске» по синдикату — АЭГ, поскольку она-то уж никак не подходила под это понятие. Сименс, собственно, и не скрывал этого. Сообщая Герцу о своих переговорах с Горемыкиным, он писал, что в создавшейся «проклятой ситуации» «очень трудно поместить всех под одной шляпой».¹²⁵ АЭГ со своей стороны не оставалась в долгу. Дернен жаловался в октябре, что кто-то явно старается испортить отношения между «Сименс—Гальске» и «Унионом» и видел в этом дело рук АЭГ.¹²⁶

Осенью 1899 г. отношения участников «большого синдиката» вновь резко обострились из-за вопроса о московском трамвае. Хотя «Первое общество» с помощью Немецкого банка, «Сименс—Гальске» и «Общества 1886 г.» перевело на электрическую тягу часть своих путей,¹²⁷ это не склонило Московскую управу принять условия синдиката по переоборудованию всего трамвая. Производить же переоборудование всех путей на свой риск под угрозой выкупа в ближайшие годы синдикат считал невыгодным. Поэтому, когда экономический кризис осложнил и без того сложную ситуацию, Немецкий банк стал настаивать на принятии предло-

¹²¹ Герц — Ротштейну 25 ноября/7 декабря 1899 г.: там же, д. 557, л. 9.

¹²² К. Сименс — Герцу 28 октября/9 ноября 1899 г.: там же, д. 552, л. 342.

¹²³ Герц — Ротштейну 19 ноября/1 декабря 1899 г.: там же, лл. 346—347.

¹²⁴ Герц — Ротштейну 1/13 декабря 1899 г.: там же, лл. 352—353.

¹²⁵ К. Сименс — Герцу 16/28 октября 1899 г.: там же, л. 342.

¹²⁶ Дернен — Ротштейну 22 октября/3 ноября 1899 г.: там же, д. 85,

л. 118.

¹²⁷ Докладная записка Герца: там же, д. 552, л. 186.

жения управы о досрочном выкупе обоих обществ конки и на продаже управе акций этих обществ, чтобы возместить понесенные затраты и высвободить вложенные средства. Такая перспектива вызвала сильное недовольство «Русского общества Сименс—Гальске». 1 октября 1899 г. Герц писал Ротштейну, что если акции конки не будут находиться в руках синдиката, то его участники окажутся в невыгодном положении по сравнению с конкурентами, так как синдикатным договором у них будут связаны руки. «Это, — писал он, — было бы, однако, невозможно, и каждый должен был бы искать спасения, где только удастся. Продажа акций означает развал консорциума».¹²⁸ Петербургский международный банк был того же мнения, и, опираясь на поддержку Ротштейна и Шайкевича, Герц попытался оказать воздействие на Гвиннера. Он предложил выждать время и затянуть переговоры о выкупе «Второго общества».¹²⁹ Получив письмо Гвиннера, в котором тот отстаивал свою точку зрения,¹³⁰ Герц выразил несогласие с тем, будто получение московского заказа — дело электротехнических фирм, а не банков, и недвусмысленно намекнул, что он готов искать поддержки у Международного банка.¹³¹ Но Гвиннер, еще не успев получить это письмо, вповязав заявил, что выжидательная политика «в эти плохие времена» не даст результата и подчеркнул: «Неправильно полагать, будто подобные переговоры лучше вести через посредство банков или больших синдикатов».¹³² Тут речь шла уже не о продаже акций, Немецкий банк вообще отступался от «большого синдиката». Хотя синдикату и не удалось сбыть акции с рук, предсказание Герца о его судьбе сбылось очень скоро. В феврале 1900 г. правление берлинского «Сименс—Гальске» открыто признало, что «неблагоприятное финансовое положение, вызванное войной в Африке (весьма осторожная формулировка! — В. Д.), отложило на неопределенное время основание крупных электрических предприятий, особенно трамвая в Москве и Петербурге, которое проектировалось синдикатом банков».¹³³ Еле державшееся из-за внутренних противоречий здание «большого синдиката» рухнуло, как только к ним прибавился экономический кризис.

Трудно сказать, когда формально распался «большой синдикат», претендовавший на господство в русской электрической промышленности. Каких-либо документов, свидетельствовавших

¹²⁸ Герц — Ротштейну 1/13 октября 1899 г.: там же, лл. 322—323.

¹²⁹ Герц — Гвиннеру 9/21 декабря 1899 г.: там же, лл. 361—363.

¹³⁰ Гвиннер — Герцу 22 ноября/4 декабря 1899 г.: там же, лл. 364—367.

¹³¹ Герц — Гвиннеру 15/27 декабря 1899 г.: там же, лл. 380—383.

¹³² Гвиннер — Герцу 11/23 декабря 1899 г.: там же, лл. 385—386.

¹³³ «Сименс—Гальске» — акционеру «Общества 1886 г.» А. Эндеру 26 января/7 февраля 1900 г.: ГИАЛЮ, ф. 1243, оп. 1, д. 141, л. 232.

о его существовании после 1899 г. нам обнаружить не удалось, но не удалось и обнаружить документов, прямо говорящих о его роспуске. Р. Лифман в своей книге «Общества участия и финансирования» (изд. 1913 г.) упоминает о существовании «синдиката по финансированию электрических предприятий в России», отмечая участие в нем «Швейцарского общества электрической промышленности» и Банка для электрической индустрии,¹³⁴ по весьма сомнительно, чтобы эти банки сохранили на своих счетах до 1910-х годов участие в синдикате 1899 г. Эти сведения относятся, очевидно, к повому синдикату, который, по нашим предположениям, был создан в 1909 г.

Что касается «технического синдиката», то он формально не был распущен. Но последовавшие изменения в расстановке сил, слияние АЭГ с «Унионом» и «Сименс—Гальске» с «Шуккертом» поставили заново проблему распределения квот его участников и вызвали острейшие трения, которые фактически полностью уничтожили соглашение. Уже в совершенно иных условиях был около 1910 г. создан новый синдикат трамвайного оборудования в составе «Сименс—Шуккерт», ВКЭ и «Русского электрического общества Вестингауз», занимавшийся, однако, только поставками оборудования, но не вопросами получения концессий.

* *
*

История образования и развала «большого русского синдиката» очень характерна.

В действиях германских банков и концернов отчетливо проявилась тенденция превратить Россию в рынок сбыта своей продукции, навязать ей развитие экономики по колониальному типу. Как существовавший завод «Сименс—Гальске» в Петербурге, так и строившийся завод «Униона» в Риге являлись прежде всего сборочными мастерскими, прикрывавшими своей маркой продукцию, ввозимую из Германии. АЭГ первоначально вообще не собиралась строить свой завод в России, а позднее приобрела завод «Униона». Вся программа «большого синдиката» была рассчитана на строительство предприятий не производящих, а потребляющих электротехническую продукцию. Германские банки настойчиво стремились полностью сохранить в своих руках все руководство вновь создаваемыми предприятиями, соглашаясь лишь на такое участие русских и иных капиталов, которое не ставило бы под угрозу германское господство. В то же время германские концерны, применяясь к протекционистской политике самодержавия, охотно

¹³⁴ R. Liefmann. Finanzierungs- und Beteiligungsgesellschaften. Jena, 1913, стр. 463, 469.

рядились в тогу «русских предприятий», превращая свои отделения в России в формально самостоятельные общества. Именно здесь им прежде всего нужна была помощь русских банков.

Во всей этой борьбе Петербургский международный банк выступал не в качестве посредника и проводника политики германских или французских капиталов, а преследовал свои собственные цели и интересы, активно добиваясь осуществления этих целей. Но было бы неверно изображать Петербургский международный банк и проводником русских национальных интересов. Его политика как во время борьбы вокруг «большого синдиката», так и в других случаях определялась своекорыстной выгодой банка в каждом конкретном случае, что, впрочем, характерно для любого капиталистического предприятия.

Нужно также отметить, что Петербургская и Московская управы не торопились сдавать городские железные дороги в концессию иностранным предпринимателям, хотя первоначально у Петербургской думы и было такое намерение. Наученная горьким опытом кабального договора с «Обществом 1886 г.», Московская управа настойчиво добивалась выкупа предприятий обоих обществ конки и в конечном итоге сама построила трамвай, хотя и оборудованный иностранными машинами, но спроектированный русскими инженерами. Петербургская управа также сохранила за собой управление трамваем. Позиция обеих столичных управ, поддержанная Министерством внутренних дел,¹³⁵ наложила свой отпечаток на ход борьбы внутри синдиката, осложнив достижение его целей.

«Большой русский синдикат» возник в процессе отчаянной борьбы европейских монополий за чрезвычайно выгодный рынок приложения капиталов и сбыта товаров, который представляла собой Россия. «Превращение конкуренции в монополию, — указывал В. И. Ленин, — представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма».¹³⁶ В обстановке, когда в Россию устремились восемь германских и три бельгийских электротехнических концернов, а также ряд швейцарских, австрийских и английских обществ, три крупнейших европейских монополии — «Симепс—Гальске», «Унион» и АЭГ сочли целесообразным объединиться против остальных соперников. Но как подчеркивал В. И. Ленин, «монополии, вырстая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют

¹³⁵ Министерство неоднократно выступало против предоставления концессий иностранным предпринимателям, добиваясь учреждения обществ с русским уставом. В начале 1901 г. оно разослало циркуляр, предлагая не передавать концессионерам городские предприятия, способные приносить доход (трамвай, освещение, водопровод), а по возможности эксплуатировать их средствами городских управлений.

¹³⁶ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. 22, 4-е изд., стр. 185.

над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов».¹³⁷

Два основных мотива проходят красной нитью через всю предысторию и историю синдиката.

С одной стороны, это стремление «Сименс—Гальске» сохранить, а «Униона» и АЭГ завоевать позиции в России. Монополия, которой пользовалась фирма «Сименс—Гальске» в России в XIX в., явилась следствием не концентрации в электротехнической промышленности страны, а слабости ее развития, отсутствия конкурентов. С появлением конкурентов и была сделана попытка сохранить монополию путем создания синдиката. Но противоречия между тремя фирмами были настолько остры, что даже в подписанном договоре не было достигнуто соглашения ни по одному конкретному делу, и это каждый раз вызывало новые столкновения.

С другой стороны, очень острыми были противоречия между Немецким банком, выступавшим от имени всей германской группы (что, впрочем, не исключало конфликтов и внутри нее), и Петербургским международным банком. Оба банка претендовали на руководство операциями по направлению капиталовложений в русскую электропромышленность. За Немецким банком была мощь его капиталов и капиталов его союзников, сила германских электротехнических концернов. Петербургский международный банк не мог противопоставить этому равной мощи и мог рассчитывать лишь на противоречия между различными группировками. Отсюда и вытекала идея «большого синдиката», с самого начала направленная против Немецкого банка. Но будучи вынужденным приять идею синдиката, Немецкий банк все время саботировал ее действительное осуществление и этим немало способствовал конечному краху задуманного предприятия.

Экономический кризис, обострив внутренние противоречия в «большом синдикате», ускорил его развал, который был, однако, предопределен этими противоречиями. Обстановка «первоначального грюндерства», господствовавшая в электроиндустрии России в 90-х годах, не создавала еще условий для образования гигантского объединения, которое бы полностью подчинило себе всю отрасль промышленности. Но и неосуществившаяся попытка создания такого объединения свидетельствовала о том, насколько глубоко процесс перехода капитализма в монополистическую стадию развития захватил и Россию.

¹³⁷ Там же, стр. 253.